

Алексей Даркелов

Второй бал

Рассказы о непознанном

Второй бал

Звуки бала завораживали. Хозяин, стройный мужчина средних лет, с черными как смоль волосами, переходил из одной гостиной в другую, развлекая гостей, и неизменно оказываясь в центре внимания.

Дамы находили его обворожительным и втайне вздыхали, случалось ему пройти мимо. Неудивительно, что тут же в голове многих из них рождался план, как заманить его в свои сети. Игра стоила свеч, потому что у Барона не было жены и, вообще, его окружал ореол таинственности, который так нравится женщинам. Мужчины, в большинстве своем, считали его человеком умным и незаурядным. А в великосветских кругах города он слыл богатым и очень тщеславным, что в глазах аристократов не умаляло его достоинств, а наоборот, подчеркивало их. Но самое главное, Барон был необыкновенно обаятельным человеком. Эта черта, в дополнении к его состоянию,

заставляла людей спешить к нему по первому зову и радоваться, если ему вдруг вздумалось заглянуть к ним. При случае он мог рассчитывать на искреннюю поддержку многих, но горе тому, кто решил бы довериться Барону, ибо этот человек был отпетым негодяем.

Он часто переезжал из страны в страну, из города в город; неожиданно появлялся и также неожиданно исчезал. Всюду его окружали любовью и уважением, и всюду он оставлял истерзанные души, разбитые сердца и трупы людей, которые еще недавно были самыми преданными его друзьями. Однако у знавших его людей даже мысли не возникало связать все эти несчастья с именем Барона. Он же находил какое — то дьявольское наслаждение в том, что разрушал жизни тех, кто полностью доверял ему.

Но из приглашенных на его летний бал, никто об этом не догадывался. Играла музыка. Прелестные девушки пускали в ход свои самые обворожительные и откровенные улыбки. А кавалеры пытались превзойти друг друга в своем стремлении угодить дамам. Барон же, как обычно, был в ударе и начинал строить свой новый коварный замысел. Веселье длилось уже четыре часа (по обыкновению, каждый бал Барон начинал ровно в одиннадцать) и для самых избранных гостей настало время насладиться новыми

экзотическими сортами вин. Барон лично приглашал каждого в свой кабинет, и сейчас он решил не делать исключения из этого правила.

Своим кабинетом Барон называл небольшую уютную комнату, на полу которой лежал мягкий ковер, по форме напоминающий розу, а в центре стоял круглый стол из красного дерева, инкрустированный золотом и слоновой костью. Кроме Барона, за столом собралось шесть человек.

— Ну, чем Вы нас сегодня порадуете, Барон? — спросил пожилой граф, один из наиболее влиятельных людей города.

— Напитком, который готовят аборигены на Антильских островах, — ответил хозяин, — и учтите, что в Европе его еще никто не пил.

Слуга-негр принес матовую перламутровую бутылку и разлил в бокалы темно-зеленый напиток; казалось, что в его зеленой глубине шевелилось что-то белое. Гости с сомнением посмотрели на странное вино. Барон, увидев на их лицах замешательство, весело рассмеялся. Не говоря ни слова, он первым сделал маленький глоток и с видимым удовольствием откинулся на спинку стула. Вскоре все наперебой хвалили это чудесное вино и шутили друг над другом по поводу недостатка мужества. Завязалась оживленная беседа. И тут, глаза Барона встретились с глазами человека, сидящего напротив него.

К своему удивлению, Барон понял, что совершенно не знает, кто это такой. Он всегда тщательно выбирал своих гостей и никогда не приглашал незнакомцев. А в свой салон он приводил лишь самых избранных, о которых знал абсолютно все. Слугам давался строжайший приказ никого из посторонних в эту комнату не пускать. Станным было и то, что этого человека он ни видел и раньше, среди своих гостей на балу. «Я точно помню, что пригласил шесть человек — думал Барон, — Их действительно шесть. И здесь есть все, кого я приглашал. Кто же это? И как он попал сюда?» Барон не решался открыто спросить, как зовут незнакомца, ведь ему полагалось всех знать, и к тому же он никак не мог разрешить загадку со счетом. Он пересчитывал своих гостей несколько раз, пытаясь вычислить, кого нет, и каждый раз получалось, что всего у него за столом сидят шесть человек, из них шесть он прекрасно знал, а один непонятно откуда взялся. Опьянеть он не мог, потому что принимал особое снадобье. Все эти размышления так отвлекли Барона, что он два раза терял нить разговора, чего с ним никогда не случалось.

Барон снова очень внимательно посмотрел на незнакомца. Он был абсолютно уверен, что никогда не встречался с этим человеком. Вдруг он вспомнил о девушке Анне, которая повесилась, получив

ловко подделанное им письмо, якобы от своего жениха, который писал, что бросает ее; он отчетливо вспомнил лицо секретаря посольства, который застрелился, узнав о его чудовищном предательстве; он вспомнил, как ему удалось поссорить (в шутку) двух самых преданных друзей — и когда они дрались на дуэли, каждый считал, что в его пистолете холостые пули, но Барон, будучи доверенным лицом, подложил настоящие... Барон отвернулся и, к недоумению сидящих за столом, заторопился присоединиться к остальным гостям.

Остаток бала прошел великолепно. Барон почти забыл о нелепом происшествии, решив, что во всем виноваты крепкие вина. Довольные гости стали расходиться лишь тогда, когда начало светать. Барон ликовал: он вошел в высшие круги города и заручился поддержкой всех самых влиятельных лиц.

За окном смолк стук последней кареты, скоро должно было совсем рассвети. В доме погасили свет. Шум гостей сменила настороженная тишина. Барон задул свечку и посмотрел на часы: через несколько минут они должны пробить пять. Только тут Барон почувствовал усталость, он сел на диван в самом большом зале и приказал слуге принести горячий шоколад. Слуга поклонился и быстро вышел. Барон только закрыл глаза, как стали

медленно бить часы.

Бой часов раздавался на весь дом. Барон добросовестно отсчитал пять ударов и, вздохнув, готовился вздремнуть, как вдруг часы пробили еще один раз. С удивлением, он посмотрел на часы, но разглядеть ничего не смог — ему показалось, что стемнело. «Странно, — сказал про себя Барон — ведь уже давно должен быть рассвет». Раздался еще один удар. Тут Барон привстал и попытался все-таки рассмотреть, сколько времени было на часах, но тьма сгустилась еще больше, и он ничего не увидел. Барон уже хотел позвать слугу, когда часы пробили еще раз. Барон вздрогнул. Мысли вихрем понеслись у него в голове: «Может быть, я заснул, тогда почему я чувствую себя уставшим, и почему до сих пор никто не принес шоколад?» При следующем ударе часов Барон вскочил как ужаленный и почувствовал нервный озноб. Он бросился к часам, но наткнулся на чайный столик и с грохотом опрокинул его. Но даже этот шум не смог заглушить продолжавшегося боя часов. С каждым новым ударом Барон чувствовал, что внутри у него что-то обрывается; сердце то замирало, то бешено колотилось и временами казалось, что оно готово выскочить из груди. Но настоящий ужас Барон ощутил тогда, когда часы закончили бить. Лоб покрылся ледяной испариной, в корнях волос закололи тысячи иголок, дыхание

перехватило. Ошибки быть не могло: каждый удар навеки врезался в память Барона. Часы пробили одиннадцать раз — время начинать бал.

За окном раздался звук приближающихся карет и послышался приглушенный смех. Барон бросился к окну, и кровь застыла у него в жилах. К дому со всех сторон приближались кареты и шли люди, слуги распахивали ворота, стала доноситься музыка. Барон медленно опустился на пол. Внутри у него все дрожало. А в доме, где все, за исключением разбитого столика, было готово к приему гостей, начали зажигать свет. Барон хотел крикнуть, приказать слугам закрыть ворота и никого не пускать, но из его рта вырывались лишь слабые невнятные звуки. Он начал узнавать своих незваных гостей.

Первой, сияя ослепительной улыбкой, по лестнице поднималась Анна, за ней шел секретарь посольства со своей женой... Здесь были все те, кого погубил Барон. Они шутили, смеялись, подходили к нему и старались завести светскую беседу. Каждый раз, когда слуга объявлял гостей, Барон вздрагивал, тут же узнавая их, и слабел еще больше. Он теперь сидел на полу, прислонившись всем туловищем к стене, и молил только об одном — о том, чтобы все это закончилось. А гости все прибывали и прибывали — казалось, что им не будет конца...

Расторопный слуга быстро приготовил шоколад, поставил на поднос ванильные пирожные и заспешил назад, в зал, где его ждал хозяин. Только что пробило ровно пять. В доме было совершенно тихо, а в окна уже лился яркий солнечный свет нового летнего дня. Слуга вошел в комнату и, чуть не выронив поднос, остановился у порога. Возле стены, в неестественной позе полулежал совершенно седой старик и невидящим взглядом смотрел на восходящее солнце.

Нимангаоан

Вокруг простиралась лишь безбрежная голубая стихия. Ленивые низкие волны растворялись в неизвестной дали. Солнце медленно заходило за горизонт, окрашивая облака в нежно — розовые тона. Легкий бриз сменился полным безветрием, и громадная толща воды замерла, словно очарованная таящейся в ней мощью. Ни один корабль не смущал своим присутствием первозданную гармонию природы, и только небольшой яхте «Арабелла» было дано вторгнуться в этот мир пустоты.

Единственному человеку в этом районе океана, владельцу яхты Джеку Личу, казалось, что он один в огромном мире, состоящем лишь из воды и неба. Ради этих мгновений, когда ощущаешь себя

единым со всем мирозданием, и стоило отправляться в долгое кругосветное плавание, бросив вызов многочисленным опасностям одиночества.

Джек, опытный моряк, всегда подтянутый и гладко выбритый, любивший щеголевато одеваться даже во время плавания, когда его никто не видел, уже не первый раз за свои пятьдесят семь лет оставался с морем один на один. Много сильных штормов было за его плечами, но только безветренная погода и абсолютно спокойное море по-настоящему завораживали и, одновременно, пугали его. Это было трудно объяснить. Во время бури он мог бороться за свою жизнь, хотя бы пытаться лавировать среди бушующих волн. Да, ему было трудно, он был во власти стихий, но беспомощным себя он не чувствовал. Свою полную беспомощность Джек ощущал только тогда, когда безвольно повисал парус его яхты, и она замирала посреди океана; вот когда он понимал, что совершенно бессилен. Так было и сейчас. Стоя на корме, Джек Лич попытался уловить хоть малейшее движение воздуха. Ветра не было. Он уже неоднократно ругал себя за свой излишний романтизм, из-за чего при подготовке к плаванию отказался от установки двигателя. Впрочем, волноваться по-настоящему не стоило. На борту было достаточно провизии и пресной воды, яхта

была в исправном состоянии, к тому же, в экстренном случае можно было воспользоваться радиосвязью.

Джек уже хотел пойти в каюту, как вдруг услышал довольно громкий всплеск. Он внимательно посмотрел в том направлении, откуда донесся звук, но уже стемнело, и он ничего не увидел. Снова всплеск, уже ближе; по звуку было похоже на играющую рыбу. Но он прекрасно знал, что вечером это было невозможно. К поверхности сейчас никто не должен подплывать. Подождав немного, Джек решил, что все прекратилось и начал спускаться в каюту, когда услышал новую серию всплесков. Они были очень равномерными, не сильными и постоянно перемещались. Создавалось такое впечатление, что кто-то бил по воде, даже не бил а... ходил, как ходят после дождя по мелким лужам. От этой мысли ему стало не по себе.

Звуки не прекращались ни на мгновение. Они то удалялись, то приближались, словно кто-то в нерешительности расхаживал по воде рядом с яхтой. В другой обстановке Джек посмеялся бы над этим представлением, наверное, какого-то морского животного; однако сейчас, поздним вечером, посреди океана, вдали от людей, к нему начинал подкрадываться страх. Неожиданно звуки прекратились. А потом, с возрастающей скоростью, обдавая яхту солеными брызгами, что-то бросилось

прямо к Личу. Он почувствовал порыв ветра и легкое жжение в руках и ногах. Снова все смолкло.

Постояв немного и справившись с неровным дыханием, он хотел спуститься к себе и ... не смог. Ноги его не слушались. Он просто был не в состоянии ими пошевелить. Держась за поручни руками, он медленно опустился на палубу. Джек захотел отнять руки от поручней и тоже не смог. Нет, он не был парализованным, руки по-прежнему крепко сжимали металлические поручни яхты, ноги не сползали со ступенек, он мог на них даже опереться, но они его не слушались. Они ему не принадлежали. Кто-то отнял их у него! Стиснув зубы, Джек сделал над собой невероятное усилие и забился в агонии. Судороги сводили его тело, лицо искажали страшные гримасы, только руки и ноги были лишь безучастными свидетелями этой борьбы. Они ее уже проиграли.

Через несколько минут все закончилось. На палубе яхты неподвижно лежал человек. Сначала могло показаться, что он умер, но это было не так. Вскоре он потянулся, встал на ноги и, усмехнувшись, глубоко вдохнул морской воздух. Одежда и внешность владельца «Арабеллы» не изменилась. Но это уже был не Джек Лич. Теперь у его тела был новый хозяин.

— Немедленно остановитесь для таможенного досмотра! Повторяю, «Тион», немедленно

остановитесь для таможенного досмотра!

Два военных катера полиции Гонконга на полной скорости шли к небольшому судну, держащему курс в нейтральные воды. Несколько часов ожидания в засаде оказались не напрасными — по полученным сведениям, на борту судна, которое так стремилось уйти от преследования, находился крупный груз смертоносной контрабанды: оружие.

— Немедленно остановитесь, иначе мы откроем огонь! — прокричал в рупор лейтенант Чжао Вей, которому уже надоела эта погоня.

Полицейские катера были быстрее, но только они подходили к замедлявшему скорость кораблю, как контрабандисты делали непостижимый маневр и снова оказывались на значительном расстоянии от преследователей. Любой мог позавидовать мастерству рулевого на «Тионе». Однако уходить от преследования становилось все труднее, а последняя угроза не оставляла выбора. К стоявшему на мостике капитану «Тиона», Гарри Бертингу, подошел его старший помощник, Томми Вэнг, единственный человек, к советам которого тот прислушивался.

— Мы больше не можем уходить от них, капитан. Ли сделал все, что мог, но даже его маневры не спасут нас от пушек. Если они начнут стрелять и попадут в ящики со снарядами, нам —

конец.

— Груз надежно спрятан, Томми?

— Нет, у нас было мало времени, и если они ждали нас в засаде, то наверняка знают что искать и где.

— Значит, они следили за нами?

— Или действовали по наводке.

— Я понимаю, к чему ты клонишь Томми, но сначала мы должны избавиться от внешних врагов, а потом разберемся с внутренними.

Отдав распоряжение остановиться, Бертинг стал быстро спускаться в трюм, сделав знак своему старшему помощнику следовать за ним. Томми знал, что сдаваться капитан не собирается. Бертингу всегда с наименьшими потерями удавалось выкручиваться из различных ситуаций, за что он и получил кличку «Угорь». Вряд ли контрабандисты удивились бы, если бы узнали, что именно такое название носила нынешняя совместная операция таможи и полиции.

Положение для «Тиона» было практически безвыходным. С двух бортов к нему приближались катера, отрезая путь к дальнейшим маневрам, а в воздух был поднят вертолет, уже начавший кружить над контрабандистами. Можно было конечно устроить перестрелку — на борту корабля был целый арсенал оружия, но в этом как раз и заключалась его слабое место. Одно точное

попадание в ящики со снарядами и корабль превратится в сплошной факел. Чтобы избежать смерти, приходилось сдаваться. Но сдаваться не входило в планы Бертинга.

Пробравшись в трюм, он повел Томми к левому борту и показал на небольшое зачехленное орудие, стоявшее на специальной подставке.

— Точно такое же с правого борта, — сказал он, снимая чехол, — в том месте, где ствол касается борта — бойница, круг вырезан автогенном и достаточно лишь одного удара, чтобы он выпал. Прицеливаться не придется, катер подойдет почти вплотную и попасть будет нетрудно.

— Но ведь тогда второй катер откроет огонь. Полиция сбесится, увидев, что мы их обманули, — возразил Вэнг.

— А мы выстрелим одновременно, по моему сигналу, и с правого борта, и с левого. Отвечать уже будет некому.

— Останется вертолет.

— Его возьмет на себя Ли. Сейчас наш рулевой все равно без дела, «Тион» стоит, вот пусть он и поработает, пока все остальные будут изображать полное законопослушание. Нечего сидеть, сложа руки, плачу я вам много, а работаете вы мало.

Усмехнувшись, Гарри показал, где были спрятаны зажигательные снаряды, и перешел на

другой борт. Вдруг сверху появилась черноволосая голова Ли.

— Звали? — обратился он к Гарри.

— Выстрелишь из гранатомета, как только взорвутся катера, понял?

— Слушаюсь, капитан, — ответил Ли и исчез.

Гарри поднял руку. Вэнг зарядил оружие и увидел в просвет качающийся на волнах катер. Он стоял совсем близко от борта. Таможенники вышли на палубу, готовые прыгнуть на борт «Тиона»; две пушки и пулеметы были нацелены на мостик. Вэнг все время оглядывался. Пора стрелять, положение было очень удачным. Однако Гарри замер, и руки не опускал, наверное, его катер запаздывал. Полиция тоже решила подойти к кораблю сразу с двух бортов. Вэнг оглянулся в очередной раз и вовремя. Гарри махнул рукой.

Два страшных взрыва последовали один за другим. Выстрелив прямо через борта «Тиона» зажигательными снарядами, контрабандисты поразили полицейские катера. Вскоре раздался еще один взрыв, похожий на громкий хлопок. Объятый пламенем подбитый вертолет рухнул в воду, задев лопастью один из горящих катеров. Это произошло как раз в тот момент, когда едва державшийся на ногах лейтенант Бан уже бросал гранату. Катер накренился, граната вылетела из его руки неудачно и разорвалась в машинном отделении. Серия

взрывов оказалась полной неожиданностью для полиции. Они никак не могли представить, что в бортах судна проделаны бойницы. Причем, последовавшие разрушения и пожары на катерах были гораздо сильнее, чем при попадании обычными снарядами. Оглушенные взрывами, обожженные полицейские не могли оказать сильного сопротивления. Они прыгали в воду, где их ждала верная смерть от пуль контрабандистов. С борта «Тиона» команда Гарри Бертинга расстреливала всех подряд. Свидетели им были не нужны.

Через несколько минут наступила зловещая тишина. Из совместного отряда полиции и таможни в живых никого не осталось. Один катер затонул, оставив после себя след из кусков древесины, спасательных кругов и полицейских фуражек, а второй еще горел, но зачерпнул достаточно воды, чтобы вскоре присоединиться к своему собрату.

Гарри что-то заметил в воде и приказал спустить шлюпку. Среди мусора и пятен масла плавал полицейский рупор, с помощью которого таможенники приказывали «Тиону» остановиться. Гарри достал его, стряхнул воду, приложил к губам и, под хохот и вой своей команды, приказал, именем закона, не валять дурака и держать курс на юго-восток. Там у Гарри была назначена встреча с покупателем, которому надо будет объяснять, что

случилось с двумя зажигательными снарядами и остальными боеприпасами, и почему на некоторых автоматах не хватает смазки. Однако, пока Гарри, стоя в лодке, слушал ликования своей верной команды, которую сегодня избавил от тюрьмы, а некоторых и от смертной казни, он подумал, что если смог разобраться с таможенниками, то с покупателем у него проблем не будет. Гарри понимал, что после сегодняшней бойни он стал самым знаменитым контрабандистом в Азии. Понимал он и другое. В Гонконг теперь ему лучше не возвращаться.

Опасаясь погони и встречи с военными патрулями, «Тион» направился подальше от оживленных морских трасс. Прошло два дня и корабль остановился точно в том месте, где была назначена встреча с покупателем оружия. Поблизости не было ни одного островка, ни одной горной гряды или остывшего вулкана. «Тион» находился в открытом море. Он ждал корабль, который должен был избавить его от опасного груза, но никого поблизости не было. Конечно, Бертинг договорился, что делать при непредвиденных обстоятельствах. Любые переговоры по радию или спутниковому телефону могли прослушиваться, поэтому предупредить о задержке покупатель не мог. В случае непредвиденных ситуаций, «Тион» должен был

ждать сутки в указанном месте, а потом плыть к Марианским островам. Покупатель первым должен выйти на контакт. Гарри не знал о нем ничего, ни его имени, ни названия корабля. Он слышал только его приглушенный голос, и то, всего лишь один раз. Ему было сказано, какое оружие доставить, названа сумма, время и координаты места встречи. Ни одного лишнего слова. Идти на сделку с абсолютно неизвестным человеком было рискованно, но обещанная сумма настолько превышала все самые смелые запросы Гарри, что он решил пойти на этот риск.

Еще раз проверив место стоянки и приказав бросить якорь, Гарри решил пройтись по палубе и подумать. Вэнг считал, что их предали. С этим трудно было не согласиться. Груз получили чисто, без осложнений, а свой человек в полиции сообщил, что облав или неожиданных засад не планировалось. Если только кто-то не сообщил о них полиции... Кто?

Это был не простой вопрос. Команда Гарри не придерживалась никакого кодекса чести, трудно было найти более беспринципных и черствых контрабандистов. Они могли предать и обмануть любого, особенно ради денег. Однако единственной силой превосходившей их алчность был инстинкт самосохранения, обычно очень сильный у таких людей. А если так, то никакие посулы полиции не

смогли бы заставить их заговорить, тем более привести в руки полиции весь корабль с грузом. Больше всего на свете они боялись своего капитана. Каждого из них Гарри знал уже давно, новичков у него не было, и в море вышли все, кто готовился к походу. Нет, здесь вряд ли следует искать предателя. Тогда, если исключить этот вариант, оставалось две возможности: случайность или совпадение, во что Гарри не верил ...

— Нимангаоан! — вдруг услышал он странный шепот. Гарри обернулся, но сзади никого не было. А впечатление было такое, что кто-то шептал ему на ухо. Гарри никогда раньше не слышал такого слова. Вряд ли это было имя человека, скорее всего название какой — нибудь местности, но какой, Гарри даже понятия не имел. Прекрасно знавший все тайные бухты, островки и пиратские убежища в Тихом океане, он даже припомнить не мог ничего подобного. К тому же, слово произнесли только один раз, и через несколько минут Гарри уже не был уверен, что помнил его.

Гарри находился на пустой палубе, далеко от дверей и трюма, и совершенно не представлял, как удалось одному из членов его команды так пошутить. Действительно, это могла быть только шутка, что само по себе было довольно странным: на корабле Гарри Бертинга шутить было не

принято. Однажды он повесил над трюмом матроса только за то, что тот неожиданно для Гарри выскочил из-за угла и испугал его. В этот раз Гарри просто удивился и решил не придавать этому значения. Тем более сейчас, когда в ожидании сделки с торговцем, нервы у всех натянуты до предела.

На палубу вышел Ли.

— Не знал, капитан, что вы увлекаетесь островными легендами, — сказал он, протягивая Гарри обрывок старой карты. — Вы, наверное, потеряли это, а я нашел. Только мой совет: будьте с этим поосторожнее.

Гарри раздраженно взял карту и хотел выругаться, но, посмотрев на нее, застыл от изумления, не проронив ни слова. Темно-красным цветом на карте было написано одно слово: «Нимангаоан». То же самое слово, которое он недавно услышал. Заметив его удивление, Ли усмехнулся.

— Так вы не знаете, что оно означает? Так зовут духа мщения на одном из тихоокеанских островов. Мне бабушка рассказывала, что этот дух может вселяться в людей и вершить месть их руками. Дух этот очень злобный. А чтобы нагнать на жертву больше страха, он шепчет ей на ухо свое имя и пишет его кровью на старой морской карте. Если это не вы написали, то это чья-то глупая

шутка. Я в духов не особенно верю, но и смеяться над ними не стану. Выбросьте это за борт. Не стоит держать эту надпись на нашем корабле. Нам слишком многие жаждут отомстить.

Ли ушел отдыхать. Гарри убедился, что его никто не видит, а затем скомкал карту и швырнул ее за борт.

— Узнаю, кто написал это слово, повешу! — пробормотал он, пытаясь злостью погасить крохотные искорки страха, предательски вспыхнувшие в его душе.

Чтобы как-то отвлечься, Гарри решил подняться на мостик и проверить вахту. На мостике три человека в полном молчании стояли и, не отрываясь, смотрели в бинокли на юго-восток.

— Что тут происходит? — резко спросил Гарри.

— Посмотрите сами капитан, — протянул ему бинокль Томми Вэнг, — мы заметили это вчера, но тогда это была всего лишь черная точка.

— Похоже на яхту, — медленно проговорил Гарри, разглядывая маленькое суденышко, имевшее характерную для яхты форму и парус, — Ветра совсем нет, но оно, по-моему, движется, хоть и очень медленно. Кто знает, может быть это наш покупатель. С двигателем у него проблемы, что ли?

— Может, пойдём ему навстречу, — предложил Ли, которому надоело казавшееся

бесконечным ожидание на якоре в открытом море.

— Нельзя, — сказал Гарри, — мы не знаем наверняка, что это он. К тому же, он скорее всего наблюдает сейчас за нами, и если мы изменим план, сделка может сорваться. Я не намерен болтаться по морю с этим оружием, когда в любую минуту нам может встретиться патрульный корабль. Нам вообще сейчас пора на сушу, после Гонконга, море для нас стало слишком тесным.

— Томми, — обратился он к своему помощнику, — если расстояние между нами начнет уменьшаться, я должен знать это первым.

Томми Вэнг кивнул, и, положив бинокль, Гарри ушел с мостика к себе в каюту. Снова проходя по палубе Гарри невольно обратил внимание на тихую безмятежную погоду. Близился закат, ветра не было, и на море был очень редкий на открытых просторах полный штиль. Казалось, что корабль находится не в открытом море, а в огромном озере, берега которого терялись где-то за линией горизонта. Все располагало к умиротворенности и спокойствию, но именно это настораживало и не давало покоя Гарри Бертингу, привыкшему к постоянной опасности. В этом спокойствии ему чудилось что-то зловещее, незнакомое, страшное. Впервые за долгое время ему было не по себе. Инстинкт подсказывал ему быть настороже, и если бы не миллионы долларов,

обещанные за сделку, он бы, даже рискуя бунтом на корабле, снялся с якоря и бежал бы подальше от этого места. Возможно, он бы так и сделал, и не посмотрел бы на деньги, но то, что случилось в Гонконге, вынуждало его действовать по прежнему плану. Никто еще из контрабандистов не наносил такой урон полиции, как Гарри Бертинг. Теперь делом чести всех государственных служб Китая было найти и уничтожить его. Гарри понимал, что за него назначат огромную награду. А чтобы замести следы и как следует спрятаться, и были нужны обещанные деньги. У Гарри появилось странное ощущение, что его загоняют в ловушку, но кто и зачем?

Гарри еще немного постоял на палубе и прошел к себе в каюту. Плотно закрыв за собой дверь, он подошел к большому старинному сундуку и из потайного ящика достал тяжелый пистолет с серебряной рукояткой. Он питал слабость ко всему, что было похоже на представление о пиратах средневековья. У него был даже камзол самого Флинта. И свой пистолет он приказал украсить как оружие флибустьеров. Гарри берег его и брал только в самых экстренных случаях.

Яхтой, которую заметили контрабандисты, была «Арабелла». Пока солнце не погрузилось в безбрежный океан, она едва двигалась. Но как только наступила ночь, яхта неожиданно стала

набирать скорость, держа курс прямо к «Тиону». Возможно, если бы светила луна, то дозорный на «Тионе» и заметил бы этот маневр. Однако встреча была назначена сразу после новолуния, а потому на небе красовались только далекие звезды. Увидеть яхту без огней, бесшумно скользящую по воде в черноте южной ночи, было невозможно. Также было непонятно, каким образом яхта перемещалась во время полного штиля. Двигателя на «Арабелле» не было.

Того, кто управлял яхтой, это не удивляло. Напротив, друзья, хорошо знавшие Джека Лича, сами бы очень удивились его действиям. Убедившись, что яхта идет в нужном направлении, Джек, всегда питавший неприязнь к ножам, одел недавно сделанный им широкий пояс, в котором в специальных петлях закрепил около десятка ножей — все, что были на яхте, в том числе столовые и кухонные. Он любовно поглаживал холодную сталь. Каждый нож был им тщательно проверен и заточен до хирургической остроты.

Пришло время подумать об управлении яхтой. «Арабелла» подходила к «Тиону». Яхта сбросила скорость как раз вовремя, чтобы по инерции доплыть до корабля контрабандистов и не вызвать волну. Остановилась она у правого борта «Тиона». На палубе стояли два часовых. Перед тем, как идти отдыхать, Гарри приказал удвоить охрану. Джек

бросил два ножа, один за другим, очень сильно и точно. Ножи вошли в горло часовых настолько глубоко, что те не могли даже хрипеть. Заливаемые струями собственной крови, они медленно опустились на колени, а потом упали и больше не шевелились.

Джек ловко перебрался на корабль. Он прекрасно ориентировался и, несмотря на темноту, быстро нашел, где спали члены команды. Для него не было преград. Он бесшумно открывал любую запертую дверь. Еще один навык, которого прежний Джек был лишен. Заходя в каждую каюту, он делал только одно: вонзал нож в сердце спящему. Когда вся команда была мертва, он пришел к последнему оставшемуся в живых — к капитану.

На этот раз Джек проявил особую осторожность. Он подкрался к каюте капитана и прислушался. Дыхание контрабандиста было ровным, но он догадался, что Гарри не спит. Немного подумав, Джек вытащил из своего пояса небольшой нож и, взяв его в правую руку так, чтобы его не было видно, постучал в дверь каюты.

— Капитан, разрешите войти? — спросил он.

— Входи, — донесся из-за двери спокойный голос Гарри.

В каюте зажегся свет. Джек вошел и сразу увидел наставленное на него дуло пистолета.

Полностью одетый капитан сидел на койке напротив двери. Увидев незнакомого человека, Гарри сразу выстрелил. Пуля врезалась в обшивку в нескольких сантиметрах от головы вошедшего. Однако Джек даже не вздрогнул. Он спокойно стоял перед капитаном.

— Только попробуй дернуться и ты покойник. Второй раз пугать тебя я не буду, — ледяным тоном сказал капитан.

— Гарри, мы оба знаем, зачем ты выстрелил на самом деле, — усмехнулся незнакомец. — Чтобы позвать свою команду. Вынужден тебя огорчить. На помощь никто не придет. Кроме нас с тобой живых на судне нет.

Гарри прислушался. Ни звука. Где же вся команда? Девять человек! Удрать они не могли. Он ни на секунду не смыкал глаз и слышал бы шум мотора. Захвачены или убиты. Но кем? Одним человеком? А сам он как сюда попал? И тут капитана осенило: «Яхта!»

— Кто ты? — медленно проговорил Гарри, чувствуя, как что-то сжимает его, словно тиски. Это был страх.

— Надеюсь, тебя интересует не хозяин этого тела, у которого я позаимствовал его на пару дней? Меня истинного увидеть невозможно, а имя свое я совсем недавно прошептал тебе на ухо: «Нимангаоан».